

Сунь Цэ уже от одного взгляда на него закипал от злости. Увидев на столе хорошее вино, он подошел, чтобы схватить кувшин и залить вином свою печаль. Чжоу Юй недовольно произнес:

— Есть что сказать — говори прямо, не срывай злость на вине.

Осушив чашу, Сунь Цэ опустил взгляд и заметил на столе какую-то бросающуюся в глаза мятую бумажку. Развернув её, он чуть не лишился чувств от гнева. Там было написано: «Давно восхищаюсь талантом и умом дуду, если б копыта коня могли еще хоть немного приблизиться к Вашим, то и умереть не жалко».

Чжоу Юй еще не понимал, что случилось с Сунь Цэ, и, подойдя, только хотел что-то сказать, как Сунь Цэ с безразличным лицом молча протянул ему чашу с вином. Чжоу Юй подумал, что Сунь Цэ одумался и готов выслушать его объяснения. Кто бы мог подумать, что стоило Чжоу Юю с радостью протянуть руки, чтобы взять чашу, как Сунь Цэ со злости изо всех сил швырнул винный кувшин оземь!

На глазах у ошеломленного Чжоу Юя кувшин разлетелся вдребезги. Разлетевшиеся осколки керамики поранили Чжоу Юю руку, а вино брызнуло ему на ноги и одежду. Вокруг валялись осколки и растекалось вино. Чжоу Юй остолбенел. Не успел он опомниться, как Сунь Цэ швырнул ему в лицо тот самый скомканный лист бумаги. Чжоу Юй машинально поймал его, а Сунь Цэ холодно усмехнулся и вышел, не оглядываясь.

Развернув бумажный ком, Чжоу Юй испытал сильнейший шок. Неужели это написал Гунсунь Янь? В этот момент вошел Чжоу Хань. Он с беспокойством спросил Чжоу Юя:

— Молодой господин, слуга услышал шум. Господин Сунь что-то сделал молодому господину?

Чжоу Юй пересказал Чжоу Ханю всю историю. Тот принялся собирать осколки кувшина и вытирать вино с пола. Чжоу Юй сидел за столом, сжимая в пальцах записку Гунсунь Яня, и, нахмурившись, думал, как теперь поступить.

Убравшись, Чжоу Хань приблизился и тихо сказал Чжоу Юю:

— Конь молодого господина... слуга осмотрел его. На крупе коня есть рана от стрелы. Саму стрелу нашли в часе пути отсюда. Когда её отнесли войсковому лекарю, тот сказал, что и древко, и наконечник густо смазаны галлюциногенным ядом. Сам по себе этот яд при простом соприкосновении не вредит человеку, но стоит ему вместе с кровью попасть в тело, как в течение часа начнется безумие и наступит внезапная смерть.

Чжоу Юй свел брови домиком и сквозь зубы процедил:

— Что за подлый негодяй прибег к грязным приёмам, чтобы отравить меня?

Чжоу Хань продолжил:

— Господин Лу Цзицзин велел передать молодому господину, что он вместе с лекарем осмотрел рану: стрела вонзилась прямо в середину крупы, точно и без отклонений, других следов нет. При этом она вошла на пять фэней. Боюсь, эта ядовитая стрела изначально предназначалась коню.

— То есть... она не должна была убить меня? А лишь сбросить и покалечить? — Чжоу Юй, словно озаренный догадкой, вскочил и громко спросил Чжоу Ханя: — Говори скорее, на оперении стрелы случайно не вырезано...

Чжоу Хань опустил голову и почтительно промолчал. Чжоу Юй тоже умолк, молниеносно выскочил наружу и помчался напрямик в лагерь войскового лекаря. Увидев, что лекарь как раз собирается переломить и выбросить стрелу, он резко остановил его:

— Не смей бросать!

Лекарь испуганно поспешил отдать честь:

— Приветствую дуду.

Чжоу Юй выхватил стрелу из его рук. На оперении был вырезан сочиться кровью крупный иероглиф «Сунь».

Это была явно стрела Армии семьи Сунь. Иными словами, кто-то из своих выстрелил ядовитой стрелой в коня Чжоу Юя, чтобы тот упал. Вспомнив, как Сунь Цэ бросился вперед и убил коня, а Гунсунь Янь изо всех сил защищал его, теперь всё стало предельно ясно: кто именно намеренно ранил коня, разыграв красивый спектакль с благородным спасением.

В это время Сунь Цэ мерил шагами палатку перед Лу Су, то затихая, то вновь закипая от гнева: чем больше он думал о случившемся, тем сильнее злился, а отступившись хоть на шаг, чувствовал себя полным дураком. Он безостановочно прокручивал в голове картину: этот самый Гунсунь Янь обнимает Чжоу Юя, а тот еще и благодарит его. Лоб Лу Су покрылся потными капельками, его слегка колотило — он смертельно боялся, что Сунь Цэ сорвет злость на нем. Подумать только, из-за какого-то ничтожного Гунсунь Яня, из-за того, что Чжоу Юй проявил близость к чужаку, Сунь Цэ пришел в такую ярость!

Внезапно Сунь Цэ рывкнул на Лу Су:

— Говори!

Лу Су торопливо собрался с духом и произнес:

— Ах... этот подданный, честно говоря, понятия не имеет, что творится в голове у Гунцзиня. Возможно, он просто благодарит за спасение жизни...

Сунь Цэ бросил на него косой взгляд. Вспомнив, что он поручил Лу Су проверить прошлое Гунсунь Яня, Сунь Цэ продолжил:

— Я велел тебе рассказать о происхождении того заместителя командира из отряда Цзу Мао. Ты всё выяснил?

Лу Су почтительно ответил:

— Так точно, подданный уже всё узнал. Семья Гунсунь Яня из поколения в поколение занималась сбором и продажей лекарств. Раньше он был подчиненным Юань Шао, но когда армия Юань Шао потерпела поражение и отступала на север, он отстал от своих и остался один. Бродя по горам, раненый и голодный, он встретил нашего Цзу Мао. Цзу Мао увидел, сколь искусен тот в конной стрельбе из лука, зачислил его отряд в свои ряды и сделал своим заместителем.

Сунь Цэ наострил уши и слушал со всем вниманием. Услышав это, он прервал Лу Су:

— Раз этот человек изначально служил Юань Шао, его следовало отправить обратно.

Лу Су возразил:

— Генерал Цзу Мао сказал, что Гунсунь Янь разочаровался в порочности Юань Шао и не пожелал возвращаться в его армию, поэтому его и приютили.

Сунь Цэ замолчал, погружившись в какие-то мысли. Лу Су тихо напомнил ему:

— Господин, вы наверняка слышали крылатое выражение: вырастить тигра — навлечь на себя беду...

Сунь Цэ взглянул на него, показывая глазами, что у стен есть уши и продолжать не стоит.

В ту ночь Сунь Цэ не пошел к Чжоу Юю, а Чжоу Юй не пошел к Сунь Цэ. Однако Чжоу Юй не сомкнул глаз до самого утра: он ворочался с боку на бок, из-за чего кровать противно скрипела. Чжоу Хань, сидя на корточках у ступенек и отгоняя комаров, со зевком произнес:

— Молодой господин, прекратите спать... то есть не спать. Кровать-то из досок сколочена, она не выдержит ваших метаний.

Чжоу Юй вздохнул:

— Хань, скажи мне: если кто-то спас тебе жизнь, разве ты не должен быть благодарен?

Чжоу Хань ответил:

— Разумеется.

Чжоу Юй спросил снова:

— А если этот человек спас тебя с определенным умыслом, тогда как?

Чжоу Хань снова ответил:

— Тут надо смотреть, какой это умысел — добрый или дурной. На преступления и беззаконие этот слуга не пойдет, хоть убейте.

Чжоу Юй остался очень доволен и произнес:

— Неплохо. Не зря я учил тебя все эти годы.

Чжоу Хань закатил на него глаза:

— Молодой господин, вы собираетесь спать или нет? А вот Хань уже валится с ног от усталости.

Чжоу Юй внезапно встал, накинул военный плащ и вышел.

Подойдя к палатке Гунсунь Яня, Чжоу Юй тихо позвал:

— Генерал Гунсунь спит?

Гунсунь Янь тут же зажег свечу и, даже не успев толком одеться, выбежал встретить Чжоу Юя, приглашая его внутрь. Чжоу Юй с улыбкой произнес:

— В прошлый раз генерал Гунсунь говорил, что мы выпьем с ним вина, но не вышло. Спасение моей жизни — долг благодарности, и угощать генерала должен я. Вот, принес хорошего вина, пришел к генералу.

Гунсунь Янь пришел в дикий восторг и принялся задушевно пить с Чжоу Юем, ведя беседы о том о сём.

Сунь Цэ среди ночи вышел по нужде и увидел, как Чжоу Юй выходит из палатки Гунсунь Яня. В шатре не было света, а Чжоу Юй еще и украдкой озибался по сторонам — нет ли кого. На душе у Сунь Цэ стало до предела тяжело и тоскливо.

На следующее утро армия пошла в решительное наступление. Чжоу Юй и Сунь Цэ отбросили все лишние мысли: Сунь Цэ яростно рубился на поле боя, а Чжоу Юй из тыла хладнокровно отдавал приказы. Авангард под предводительством Хань Даня прорвал вражеский строй, затем Цзу Мао ударил в центр, зайдя в тыл и окружив неприятеля. Боевой дух Армии Сунь взлетел до небес, особенно когда воины видели, как сам Сунь Цэ бросается в самую гущу врагов, сражая противников. Каждый из них бился всё яростнее, вражеская армия отступала по всем фронтам, и спустя два часа гарнизон Лияна потерпел полное поражение. Тех, кто сдался, сразу включали в свои ряды, а сопротивлявшихся или пытавшихся бежать велели рубить на месте. Сунь Цэ во главе войск ворвался в город, отдав приказ не причинять вреда мирным жителям. Поняв, что дело проиграно, префект Лияна принял яд и покончил с собой.

Тем же вечером вся Армия Сунь распо лагерь внутри Лияна. Сунь Цэ приказал восстановить городские стены, усилить оборону и расставить дозоры, успокоить местных жителей, а сам вместе с военачальниками занялся приведением в порядок резиденции префекта, чтобы устроить там пир в честь победы.

На пиру, в разгар веселья и хмельного застолья, Сунь Цэ неожиданно обратился к Чжоу Юю. В его тоне звучала разнузданность с изрядной долей насмешки:

— Гунцзинь, выходи, станцуй-ка для меня и наших военачальников?

Лицо Чжоу Юя помрачнело. Остальные командиры, еще не успевшие напиться, принялись отговаривать Чжоу Юя от гнева, приговаривая, что господин просто перепил. Однако большинство захмелевших вояк стали улюлюкать и требовать, чтобы Чжоу Юй станцевал с мечом для развлечения, некоторые даже полезли к нему, хватая за руки и пытаясь задирать. Сунь Цэ смотрел на это так, словно ничего не замечает.

Лу Су собрался было защитить Чжоу Юя и проводить его в палатку отдохнуть, как Сунь Цэ взревел:

— Цзицзин, ты смеешь идти против моего приказа?!

Лу Су вмиг растерялся: с одной стороны господин, с другой — близкий друг. Но если господин протрезвеет, он ведь тоже рассердится на него за недостаточную усердность в увещеваниях — до чего же трудное положение!

В этот самый момент из толпы внезапно выскочил Гунсунь Янь. Встав перед Чжоу Юем, он

глянул на Сунь Цэ и произнес:

— Господин, этот подчиненный считает, что великий дуду — выдающийся стратег и государственный муж, ему не пристало заниматься ужимками бродячих артистов.

Сунь Цэ, словно и впрямь вусмерть пьяный, покачиваясь, поднялся на ноги и направился к Чжоу Юю. На его лице играла улыбка, за которой прятался кинжал, а хмельной голос вопрошал:

— О? Вот как? Ты, пожалуй, не знаешь, но наш великий дуду Чжоу Гунцзинь владеет мечом и цитрами в сотню раз лучше любых лицедеев.

Улюлюкавшие до этого военачальники вмиг умолкли, воцарилась тишина. Все видели, что Сунь Цэ зашел слишком далеко в своих шуточках, и понимали: сейчас явно не тот момент, чтобы поддерживать балаган.

Игра в игре

Лу Су тихо сказал Сунь Цэ:

— Господин, если Гунцзинь в чем-то виновен, рассудите его по военному закону. Но здесь присутствуют все генералы, и подвергать дуду публичному унижению, по моему скромному мнению, не следует.

Сунь Цэ с раздражением оттолкнул Лу Су. Увидев, что Чжоу Юй стоит за спиной Гунсунь Яня, он вновь закипел от злости и сурово спросил Чжоу Юя:

— Дуду, может, мне зачитать всем присутствующим записку из твоего трактата по военному делу?

Чжоу Юй хранил полное молчание. Сунь Цэ продолжил:

— Раз уж генерал Гунсунь так давно восхищается дуду, не благословить ли мне ваш союз...

Не успел он договорить, как Чжоу Юй резко перебил его, повысив голос:

— Господин настолько не различает правых и виноватых, что почем зря клеветает и унижает верного слугу — неужели вам не страшно стать посмешищем для всего света?

Сунь Цэ насмешливо бросил:

— Какая глупость! Я чист душой и поступками, чего мне бояться людских насмешек? А вот дуду не помешало бы перестать паяльаться на чужих людех.

Переругиваясь взад и вперед, эти двое напугали остальных военачальников так, что те боялись даже вздохнуть полной грудью.

Чжоу Юй, казалось, исчерпал весь запас терпения, и с гневом произнес:

— Когда в тот день конь этого подчиненного внезапно взбесился, при последующем осмотре выяснилось, что животное было ранено стрелой. Саму стрелу нашли, и она оказалась сплошь покрыта ядом, причём...

Чжоу Юй сделал паузу и рявкнул:

— На ней вырезан иероглиф «Сунь»!

Сунь Цэ с абсолютно невозмутимым видом протянул:

— И что с того? Разве это доказывает, будто её выпустил я? — Прищурившись, он окинул взглядом собравшихся: — Столько командиров из семьи Сунь вокруг — признавайтесь, кто из вас пустил стрелу?

Военачальники переглянулись между собой. От страха у них вмиг протрезвели головы: они совершенно не понимали, какой спектакль здесь разыгрывают.

Чжоу Юй холодно усмехнулся:

— Разве не господин планировал первым броситься на помощь, чтобы заставить меня проникнуться еще большей преданностью, да только генерал Гунсунь опередил его? А теперь господин в ярости придирается к генералу по каждому пустяку — только не говорите, что дуду всё позабыл.

Сунь Цэ кивнул, делая вид, будто всё припомнил, и вновь затянул ехидным тоном:

— Ах да, было такое дело. Но с чего бы мне заниматься столь грязными делами? Дуду так бросается грязью в лицо другим лишь для того, чтобы выгородить этого великого генерала Гунсуня. Кажется, теперь весь мир знает, что наш Прекрасный Чжоу Лан на самом деле страдает тягой к мужчинам...

В этот момент Сунь Цэ упорно сверлил взглядом Чжоу Юя. Чжоу Юй в ответ уставился на него своими невинными прекрасными глазами. Сунь Цэ мягко улыбнулся Чжоу Юю, и уголки губ Чжоу Юя тоже едва заметно дрогнули в ответной улыбке.

Гунсунь Янь взревел:

— Сунь Бофу, это ты поливаешь грязью других!

В зале воцарилась такая тишина, что было слышно чужое дыхание. Цзу Мао в испуге выскочил вперед, опустился на колени и выпалил:

— Господин, не гневайтесь! Это подчиненный плохо управлялся с войсками, раз этот негодяй посмел оскорбить господина. Этот подчиненный готов понести наказание вместе с Гунсунь Янем!

Цзу Мао знаком приказал Гунсунь Яню немедленно опуститься на колени. Но тот и не думал преклонять колени — напротив, глядя на Сунь Цэ, он продолжил:

— И подумать только: старший сын семьи Сунь из Цзяндуна, Маленький Завоеватель Сунь Бофу, чье имя гремит по всему Центральному равнинному краю, на деле оказывается заурядным, мелочным людишкой, способным лишь цепляться к гражданским чиновникам.

Все, за исключением Сунь Цэ, Чжоу Юя и Лу Су, ахнули. Ошеломленные генералы один за другим вскочили со своих мест, принимаясь бурно обсуждать услышанное — как этот человек мог произнести столь крамольные слова?!

Сунь Цэ оставался с каменным лицом, а Чжоу Юй снова закричал:

— Поделом мне, слепцу, что последовал за таким бессовестным и безнравственным человеком, как ты!

Закончив кричать, Гунсунь Янь выхватил меч и выкрикнул:

— Я безмерно уважаю господина Гунцзиня! Раз уж господин Гунцзинь терпит здесь такие унижения от этого не различающего правых и виноватых, мелочного и безнравственного ничтожества, то я — за господина Гунцзиня, именем Небес — покончу с ним!

С этими словами он бросился на Сунь Цэ. Военачальники, видя это, страшно разъярились и попытались броситься на защиту Сунь Цэ, но, сделав всего пару шагов, все как один почувствовали, что в телах совсем не осталось сил. Они попадали на скамьи или прямо на пол, способные лишь таращить глаза: кроме того, что они могли видеть и слышать, всё остальное тело наотрез отказывалось подчиняться. Им оставалось лишь бессильно наблюдать, как Гунсунь Янь собирается заколоть их господина.

В тот самый миг, когда Гунсунь Янь уже почти нанес удар мечом по Сунь Цэ, сзади его неожиданно пронзили клинком. Оглянувшись, он увидел Чжоу Юя. Чжоу Юй с бдительным выражением лица вытащил меч и холодно приставил его к горлу Гунсунь Яня:

— Еще одно движение — и я снесу тебе голову с плеч.

Гунсунь Янь не мог поверить своим глазам. Он перевел взгляд на Сунь Цэ: наносное пьянство полностью исчезло с лица Сунь Цэ, сменившись холодным, властным и безжалостным выражением свысока. Гунсунь Янь переменялся в лице от ужаса:

— Как такое возможно? Почему ты не...

Сунь Цэ усмехнулся:

— С чего ты взял, что я не напился и не оказался парализован твоим ядом, как все остальные? Я с самого начала знал, что с тобой что-то не так, поэтому не притронулся к вину, что ты мне поднес. Раз Юань Шао отступил на север, тебе тоже следовало идти на север. Даже если б ты заблудился в горах, то должен был наткнуться на людей Цао А-маня, а встреча с Цзу Да-роном произошла исключительно потому, что ты намеренно подался на юг в поисках нашей Армии Сунь.

Гунсунь Янь лишился дар речи. Он круто развернулся, пытаясь сбежать, но Хань Дань во главе вооруженных острыми мечами солдат и лекаря ворвался снаружи, плотным кольцом окружив Гунсунь Яня. Лекарь бросился снимать действие яда с парализованных военачальников. Чжоу Юй с суровым лицом произнес, глядя на Гунсунь Яня:

— Генерал Гунсунь, вы вызываете лишь глубокое разочарование.

Поняв, что его обман раскрыт, Гунсунь Янь никак не мог взять в толк, в какой именно момент он оплошал. Он спросил Чжоу Юя:

— Когда именно Гунцзинь понял, что я шпион?

Чжоу Юй ответил с леденящей серьезностью:

— Всё началось с коня. Хотя я начал ездить на нём только в этом году, он всегда отличался покладистым нравом. Когда мои люди стали выяснять причину внезапного бешенства коня, оказалось, что дело в ядовитой стреле, причем пущенной не в меня, а в животное. Целью было заставить коня взбеситься, чтобы потом меня спасти. В тот момент никто из присутствующих даже сообразить не успел, что надо меня защитить, и только ты один смог встать у меня на пути. Если бы всё не было спланировано тобой заранее, как твоя реакция могла оказаться столь молниеносной? К тому же, будучи заместителем командира у Цзу Мао, с какой стати ты околачивался возле моего коня?

Гунсунь Янь взревел в бессильной злобе:

— Это точно так же мог спланировать сам Сунь Бофу!

Сунь Цэ с насмешливой и даже самодовольной улыбкой бросил:

— Мы с Гунцзином знаем друг друга слишком давно, и наше взаимопонимание — не то, что тебе под силу разрушить какими-то интригами.

Желая еще выше поднять преданность остальных военачальников, Чжоу Юй громко произнес:

— Господин относился ко мне с глубочайшей душевной привязанностью, и я не мог заподозрить его. В ту ночь я направился в твою палатку и под видом угощения подлил тебе в вино усыпляющее снадобье, чтобы ты погрузился в глубокий сон. А затем обыскал твой шатер и нашел вот это.

Чжоу Юй извлек кусок ткани, сплошь исписанный мелким почерком, и, подняв его высоко над головой, обошел вокруг всех собравшихся командиров, продолжая громко говорить:

— Это тайное послание от Юань Шао к Гунсунь Яню! В письме сказано: «Силы Чжоу Гунцзиня и Сунь Бофу в последнее время растут, угрожая гегемонии дома Юань. Вы должны вырвать сорняк с корнем; если же удастся переманить Чжоу Гунцзиня на нашу сторону, щедрая награда гарантирована». Хм, — холодно усмехнулся Чжоу Юй, — ты — подсланный Юань Шао убийца, что ты еще можешь сказать в свое оправдание?

Гунсунь Яню было нечего сказать. Прямо на месте он с размаху бросился головой на колонну и рухнул замертво с проломленным черепом. Цзу Мао смертельно перепугался. Воспользовавшись тем, что всеобщее внимание было приковано к телу Гунсунь Яня, Сунь Цэ стремительно подскочил к Цзу Мао и одним ударом меча пронзил ему живот. Кровь брызнула прямо на пол, заставив зрачки Чжоу Юя сузиться от неожиданности.

Сунь Цэ многозначительно глянул на Чжоу Юя, а затем отдал приказ Хань Даню вытащить тело наружу и закопать. Командиры, к которым уже вернулись силы, один за другим опустились на колени перед Сунь Цэ, каясь в содеянном:

— Мы, ваши покорные слуги... мы, ваши генералы, не распознали вражеского обмана. Под носом у высшего командования бесчинствовал лазутчик, а мы не смогли должным образом защитить правителя. Просим господина наказать нас!

Сунь Цэ поднялся на ступеньки возвышения, где стоял престол префекта, и произнес:

— Братья, поднимайтесь! Нынче Юань Шао, страшись нашей мощи, подслал шпиона, который сумел склонить на свою сторону Цзу Мао, пытаясь расшатать Армию Сунь изнутри. Но раз сам Юань Шао так боится нас, это доказывает лишь то, что вы доблестно сражались и разили врага. Я не стану наказывать вас — напротив, я щедро вознагражу каждого! Чжоу Гунцзинь притворился близким к лазутчику, чтобы выманить и уничтожить злодея, за что удостоивается величайшей заслуги и награждается дюжиной золотых жемчужин. Лу Цзицин проявил себя в поимке шпиона, награда — дюжина драгоценностей. Остальные военачальники проявили

бесстрашие в битвах и преданность до конца, каждому жалуются по десять единиц драгоценностей и нефрита.

Все воины до единого прослезились от избытка чувств. С этого момента авторитет Сунь Цэ в армии взлетел до небес, а преданность подчиненных возросла в несколько раз.

Тем же вечером в резиденции префекта Чжоу Юй предавался омовению в своей комнате. Чжоу Хань нес караул снаружи, когда подошел Сунь Цэ и попытался толкнуть дверь. Чжоу Хань поспешно преградил ему путь:

— Молодой господин принимает ванну, прошу господина проявить снисхождение.

Сунь Цэ цокнул языком:

— Ты и меня смеешь останавливать?

Мысленно Чжоу Хань подумал: да я же просто разыгрываю этот спектакль ради приличия. После чего послушно отступил в сторону.

Стоило Сунь Цэ войти внутрь, как Чжоу Юй в испуге погрузился в воду с головой, выставив наружу лишь половину лица, и принялся сердито пускать пузыри в воду, глядя на непрошеного гостя. Сунь Цэ нашел это забавным; не глядя по сторонам, он накинул приготовленную на скамье одежду на голову Чжоу Юя, отвернулся и бросил:

— Что за мужик станет мыться так долго?

Чжоу Юй с покрасневшим лицом неторопливо одевался. Прикинув, что тот уже вылез из воды, Сунь Цэ неожиданно обернулся и спросил:

— Если ты с самого начала раскусил, что с ним что-то не так, какого чёрта ты поперся к этому гадину среди ночи?

Чжоу Юй поспешно запахнул одежды и с досадой бросил:

— Чего ты поворачиваешься? И всё ведь ради тебя.

Сунь Цэ нахмурился:

— Ради меня?

Когда Чжоу Юй окончательно оделся и не спеша уселся на циновку у столика, Сунь Цэ

последовал за ним и устроился напротив. Чжоу Юй, наливая чай, пояснил:

— Хотя по ядовитой стреле и можно было догадаться, что Гунсунь Янь — лазутчик, если бы мы просто зарубили его сгоряча, это вызвало бы лишь ненужные толкучки и пересуды в армии. К тому же я сразу понял, что это один из тридцати шести стратагем — «план разъединения», поэтому решил подыграть ему.

Сунь Цэ слушал предельно внимательно, а Чжоу Юй продолжил:

— Я нарочно сблизился с ним, чтобы добыть железные доказательства того, что он подослан Юань Шао.

Сунь Цэ снова задал вопрос:

— Но раз ты уже раздобыл переписку, почему не обсудил это со мной? Зачем продолжал делать вид, будто ничего не замечаешь?

Чжоу Юй протянул Сунь Цэ чашку чая и ответил:

— Заявить, что это шпион, и тут же прикончить его? Как скучно! Куда интереснее разыграть настоящий пир у ворот Хунмэнь, чтобы этот лазутчик не выдержал и попытался убить тебя при всех. Тогда, объединив усилия и расправившись с предателем, мы смогли бы в разы поднять боевой дух и преданность в войсках.

Сунь Цэ улыбнулся:

— И ты совсем не боялся, что он и впрямь прикончит меня?

Чжоу Юй с улыбкой парировал:

— На этот случай ведь был я, чтобы защитить тебя. Ну а ты сам — как догадался обо всем?

Сунь Цэ погрузился в воспоминания, излагая свою версию:

— Этот тип слишком уж навязчиво крутился возле тебя, и я с самого начала заподозрил неладное. Когда Лу Су доложил мне о его происхождении, я сопоставил это с картой местности и понял перед нами лазутчик. Лу Су рассказал мне и про отравленную стрелу: этот мерзавец мастерски стреляет из лука, а значит, дело с конём — дело рук исключительно его самого. Сначала я боялся, что он причинит тебе вред, поэтому приказал себе не выдавать подозрений и подстеречь момент, чтобы прикончить его на твоих глазах. Однако во время пира он принялся подносить вино мне и каждому из командиров, и тут я понял... он метит именно в меня, планируя покушение.

Чжоу Юй усмехнулся:

— А не боялся ли ты, что я и вправду предаю тебя?

Сунь Цэ отшутился:

— Вот поэтому я и испытывал тебя за пиршественным столом — проверить, не переметнулся ли часом мой Гунцзинь на другую сторону.

Чжоу Юй забавно скривил губы:

— Ох, значит, Бофу мне вовсе не доверял.

Сунь Цэ перестал улыбаться и, пристально глядя на Чжоу Юя, произнес уже серьезно:

— То были лишь шутки. На самом деле я нарочно затеял всё это крючкотворство, чтобы спровоцировать его на покушение. Клянусь Небесами, я всегда верил и буду верить в преданность Гунцзиня.

Чжоу Юй мягко улыбнулся и больше ничего не сказал.

Тогда Сунь Цэ поинтересовался вновь:

— Но когда ты увидел на стреле иероглиф «Сунь», неужели у тебя ни разу не мелькнуло подозрения на мой счет?

Поздравляем дуду с грядущим пополнением гарема

Чжоу Юй громко рассмеялся:

— Да потому что конная стрельба нашего великого господина Суня откровенно никуда не годится, ха-ха-ха!

Сунь Цэ покраснел до корней волос и уставился на Чжоу Юя. Глядя на его физиономию, Чжоу Юй расхохотался еще сильнее, от души веселясь.

Вспомнив историю с Цзу Мао, Чжоу Юй с пристрастием допытывался:

— А откуда Бофу вообще узнал... кхм, что генерал Цзу Мао предал нас?

Сунь Цзэ с гордым видом заявил Чжоу Юю:

— Твой верный слуга тайком нашептал мне, что видел, как Цзу Мао проявил к тебе неуважение. Мне было плевать, переметнулся он на самом деле или нет — если кто-то посмеет хоть пальцем тронуть тебя...

Внезапно Сунь Цзэ пристально уставился на Чжоу Юя, и на его красивом лице проступило выражение непоколебимого властолюбия:

— Я заставлю его сдохнуть.

<http://bllate.org/book/22340/2340633>